

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В XXI ВЕКЕ

Двадцать лет тому назад- 12 марта 1972 года - в Вашингтоне в Смитсоновском институте публике была впервые представлена книга "Пределы росту. Доклад Римскому клубу". И хотя сам Римс-кий клуб родился четырьмя годами ранее, его известность стала широкой, буквально всемирной, именно с этой даты. С тех пор Римскому клубу представлено уже 18 докладов. Но значение того, первого, доклада особое. Это не только- начало, не только- из-вестность, успех, это, пожалуй, пример того, как удачно реали-зовалась сама задумка, лежащая в основе создания клуба. Неда-ром Римский клуб отдает дань памяти той дате, и на очередной своей конференции в Монтевидео в 1991 году посвятил ей отдель-ную сессию "Двадцать лет спустя".

Однако Римский клуб живет не только воспоминаниями. Мно-гие склонны идентифицировать, связывать его именно с прогност-ическими моделями алармистского характера. Но сегодня, когда накопилось разочарование по отношению к ним, во-первых, из-за того, что они не смогли предсказать ряд конкретных важных со-бытий (даже нефтяного кризиса 1970-х годов), и во-вторых, из - за того, что их предупреждающий характер действует весьма сла-бо; ситуация в мире продолжает ухудшаться, а вместе с этим растет разочарование в деятельности клуба. Зачем он сегодня? Что он может дать? Каково его влияние на "лиц, принимающих ре-шения"?

Вместе с тем, именно сегодня начинает все более отчетливо проявляться и осознаться действительное предназначение Римского клуба, устремление его основателей: как сделать нашу жизнь разумнее, как добиться торжества нравственных начал в мировой политике? Почему именно сегодня появляется это новое отношение, эта новая надежда? Мне кажется потому, что эти уст-ремления в начале 70-х годов не имели под собой адекватных представлений об их реализуемости; сегодня же начинают просту-пать черты нового содержания понятия "управление".

Клуб уже при своем возникновении обратился к весьма ост-рым проблемам, безусловно, актуальным и сегодня, и этим объяс-няется долгоживучесть и самого клуба, как организации, и его "идейного" влияния на умы. Что это за проблемы? Главный вопрос

- должен ли человек полагаться на эволюционный процесс или же мир, в котором мы живем, нуждается в изменении? По этому исходному вопросу Римский клуб занял недвусмысленную позицию: в то время как человеческая деятельность стала угрозой фактом, в глобальной системе отсутствуют такие механизмы саморегулирования, которые бы гарантировали "безопасность" развития цивилизации, следовательно- эта деятельность должна быть "укрощена", т.е. должны быть внесены необходимые изменения в нынешние механизмы функционирования глобальной социальной системы. Вслед за этим встают очередные вопросы: каков допустимый характер этих изменений, каковы место революции и роль насилия в истории человечества, куда следует стремиться? Можно ли уповать на достижение благополучия в отдельных регионах, в то время как глобальная ситуация столь тревожна?

Ответом А.Печчея, основателя и первого президента клуба, на эти вопросы была его приверженность просвещенному, "новому" гуманизму, базирующемуся на трех "китах": чувстве глобальности (благополучие всего мира есть необходимое условие для достижения благополучия в отдельных странах и регионах), приоритете справедливости по отношению к другим ценностям (что привело Римский клуб к так критиковавшейся в нашей литературе в свое время идее ограниченности суверенитета), и, наконец, нетерпимости к насилию.

Римский клуб в свое время поразил всех своим критицизмом в адрес современного капиталистического общества, но вместе с тем верой в человека, убежденностью в его ответственной роли в преобразовании цивилизации. Но как должна реализовываться эта активная роль человека, как добиться достижения идеала? Здесь мы вступаем в проблематику управления и нам имеет смысл уточнить исходные установки Римского клуба.

Наука и управление.

Опыт решения крупных социально-экономических проблем опирается на два основных подхода, на две традиции, идущие еще от Тейлора и Мэйо в классическом менеджменте. Первый подход- это программно-целевой, "механистический". Второй подход, "органический", рассчитанный на учет культурных особенностей объекта управления. В своем макроварианте он известен как "концепция модернизации".

Первый подход предполагает постановку задачи, поиск решений, оценку альтернатив, выбор оптимального пути, формирование программы и обеспечение ее инфраструктуры (руководящих органов и институтов, системы сбора и анализа информации, обратных связей и контроля). Этот подход построен на подчинении тех подсистем объекта управления, которые выбиваются из общего движения к цели.

Второй подход своим происхождением обязан осознанию того факта, что имеются "пределы управления", т.е. пределы силового воздействия на поведение подсистем управляемого объекта.

В рамках второго подхода предполагается, что изменение

нежелательного, "неправильного" поведения элементов управляемой системы или объекта управления в целом должно

происходить

"мягко", не по внешнему принуждению, а внутреннему позыву.

Оба подхода имеют в своем арсенале достаточно средств для эффективной реализации - но в своих границах. Сильными сторонами первого подхода являются хорошо разработанные, но главное - постоянно наращивающие свою мощь, научно-технические средства, включая экономико-математические методы, моделирование, искусственный интеллект и т.п. Формируемые программы обладают свойством концентрации усилий и средств, контролируемости и конкретности, что очень выгодно и с социальной точки зрения. И тем не менее, имманентно присущая этому подходу иллюзия, что "власть всесильна", ограничивает возможности программного подхода, особенно в условиях переходных периодов, при смене стратегий и т.п. Сильной стороной второго подхода является опора на механизмы самоуправления, гомеостазиса, авторегулирования. Акцент перемещается на способность объекта управления к собственному развитию, а управление понимается как воздействие на этот процесс развития в желательном отношении (скорость, направление, радикальность и т.п.).

В рамках этого подхода получают свое развитие средства "мягкого" воздействия на поведение (человека, социальной системы) через образование, подготовку кадров, техники групповой работы, реализации творческого потенциала, "резервных возможностей" и т.п. Вполне допустима и такая крайность, как созерцательность, не совершение активных действий (не путать с уклонением), или запрет на определенные виды действий, в расчете на механизмы авторегулирования или на то, что характер самих проблем изменится в процессе того, как мы "уживаемся" с ними.

Что касается "модернизации", то это хорошо разработанная концепция, достаточно широко используемая, например, в качестве основания для программ ООН, предполагает такое воздействие на механизмы саморегулирования, которое обеспечивало бы в управляемой системе более эффективное функционирование этих механизмов (например, развитие восприимчивости к передовым технологиям). По существу речь идет о нормативном подходе к обществу, только в данном случае за норму утверждается общественное устройство развитых обществ, например, наличие и принципиальная значимость таких институтов, как политическая демократия, экономическая свобода ("рыночный механизм"), терпимость к культурным различиям и т.п. Сам механизм модернизации при этом предполагает открытость управляемого, модернизируемого общества к позитивному взаимодействию с внешней средой, готовность к созданию новых гибких и динамичных социальных структур, мобилизацию социального потенциала в интересах осуществления преобразований. Но это уже "вопрос техники". Несмотря на "мягкость", привлекательную органичность подхода модернизации, и он сталкивается с ограничениями. Природа этих границ та же, что и у первого подхода, а именно: конечное, будущее состояние управляемого объекта привносится извне, в данном случае как модель развитого общества (т.е. уже прошедшего свой путь развития соседа по планете). Какими бы благими пожеланиями ни было вызвано нормирование положительного примера, остается без ответа кардинальный вопрос: почему и каким образом этот положительный пример утвердил себя. Таким образом, собственное время управляемого объекта (связь прошлое-настоящее-будущее) разрывается не путем внутренней трансформации, а путем внешнего управляющего воздействия.

Это и есть суть "научного подхода" к управлению в социальных системах, который рассматривает такое управление как высшую ступень при восхождении от управления в технических системах, т.е. "социальная система" в конечном счете рассматривается как очень сложная техническая система с учетом "человеческого фактора". Характерным для такого подхода является представление о структуре "субъект-объект-окружающая среда".

Выступая за просвещенность, торжество разума, рациональность, Римский клуб искал научные средства управления, только распространенные на глобальную систему в целом. Вот почему он обратился к математическому моделированию. Первоначальный замысел был таков (конкретный проект был предложен К.Озбекханом (Калифорнийский научный центр): выявить острые проблемы развития, свойственные мировой цивилизации, построить глобальную модель, с ее помощью найти решения этих проблем и предложить регуляторы для реализации решений. Здесь все казалось бы соответствует требованиям научности и прежде всего системность подхода: проблемы решаются не поодиночке, не порознь, а в их взаимосвязи. И так, ученые берутся за

выявление и решение проблем развития и передают свои рекомендации политикам. "Ученые знают, а политики могут". Отсюда главная ориентация Римского клуба - влияние на правительства. Логика приводила в конечном счете к выводу о том, что глобальные проблемы должны решаться глобальным правительством. Законченная рациональная схема, четко выраженная Э.Янчем, как "попытка создания принципов мирового планирования с позиций общей теории систем".

Но не было бы счастья, да несчастье помогло. Проект К.Озбекхана никак не складывался. Чутье А.Печчея помогло обратиться к предложению Д.Форрестера (Массачусетский технологический институт) попробовать построить модель в русле разрабатывавшегося им направления "системная динамика". Именно этот подход и позволил родиться докладу "Пределы росту". В чем же разница между подходами К.Озбекхана и Д.Форрестера? Казалось бы, и тот и другой воплощают собой чисто технократический подход. В конце концов, все равно Римский клуб удостоился именно такой оценки. Однако, глядя на эту ситуацию уже с позиций современных представлений, яснее понимаешь, какая удача сопутствовала А.Печчею, когда он остановил свой выбор на системной динамике. Дело в том, что идеология системной динамики заключается в сосредоточении на поведении элементов системы (допуская, что они активны) в их взаимосвязи. Системно-динамическая модель дальше продвинута в направлении поиска ответа не только на вопрос "как" работает система, но и "почему она работает именно так". Системно-динамическая интерпретация естественным образом допускает, что именно элементы системы сами "порождают" как проблемы, так и их решения (а не некое внешнее "мировое" правительство); такой подход позволяет встроить в модель различные нормы, различные культуры, уловить механизмы саморазвития, подступить к представлению об "ответственности" элементов за ситуацию в целом.

Выбор между проектами К.Озбекхана и Д.Форрестера был сделан Римским клубом не по принципиальным соображениям, но это был счастливый выбор. Хотя сам А.Печчеи часто рассуждал так, что его можно было принять за сторонника мирового правительства (например, его убеждение, что ресурсами планеты надо распоряжаться из одного глобального центра), однако характерным для него была совершенно другая позиция. В книге "Человеческие качества" он пишет: "Вместо того, чтобы концентрировать все интересы вокруг наших желаний и поиска средств получить желаемое, мы фокусируем внимание на том, что есть мы сами и чем

мы можем стать" (с.199).

И в другом месте: "Но как же все-таки дать толчок развитию самого человека, а не окружающего его мира?"

(с.201).

Правильно

будет говорить о том, что он пытался соединить оба подхода, и эта эклектичность сказывалась на направленности Римского клуба. Призывая в конечном счете добиваться возможности управлять событиями, он пишет: "Нет сомнения, что на начальных этапах многое будет зависеть от тех, кому принадлежит сегодня в мире реальная власть. Однако обеспечить действительную переориентацию всей человеческой деятельности можно лишь при условии, что ее необходимость осознают и активно поддержат люди всей планеты- все вместе и каждый в отдельности" (с.142-143).

Представляется, что А.Печчеи чувствовал, что рациональный анализ проблем глобального характера, на который решил опираться Римский клуб, грозит экспансией науки, готовой предложить рациональные схемы поведения глобального сообщества. Он сопротивлялся этому, постоянно обращаясь к проблеме "качества человека". "Вся суть проблемы как раз и заключается в несоответствии между созданной человеком действительности и тем, как он ее воспринимает и как учитывает в своем поведении" (с.204). Восприятия людей вряд ли смогут быть приведены когда-либо к общему знаменателю, отсюда нереальность "мирового правительства". Но даже если такое правительство выдумать, то остается пропасть между "властью" и "каждым" в смысле требования единства их восприятий. "Власть" вовсе не обязательно думает о благе "каждого", а "каждый" не всегда стремится стать "винтиком" в машине власти. Это ставит границы "научному" подходу к организации социальной системы, а перед наукой ставит вопрос о ее роли и ответственности перед обществом за формулируемые ею рекомендации.

Различие кризисов и их восприятия - вызов научному управлению.

Должно ли научное сообщество, прежде чем давать рекомендации относительно конкретных политик и стратегий, предварительно выработать и иметь в той или иной мере законченную теорию социального развития, или же оно ограничивает себя ответственностью, опираясь на частные теоретические исследования, дать только рекомендации, которые послужат лишь средством для прокладки путей социального развития? Является ли задачей науки охватить в целом закономерности взаимоотношений общества и природы, или она может претендовать лишь на предупреждение кризисов?

Весьма непростым оказывается стартовый вопрос: что считать кризисом? Является ли для нас актуальной угроза погибнуть физически, боимся ли мы разрушения стабильных структур государства, семьи, привычного уклада жизни, считаем ли мы для себя неприемлемой власть бюрократических или тоталитарных сил, отсутствие свободы, переживаем ли мы за судьбу детей, боимся ли мы стыда, наконец, - все это важные и, к сожалению, не всегда непротиворечивые вопросы. Например, готовы ли мы пожертвовать свободой и согласиться на диктатуру или пойти на любые жертвы и кровопролитие лишь бы сохранить целостность государства?

По-видимому, следует особо требовательно подходить к формулированию того, что мы сами для себя считаем кризисом. Такая формулировка может меняться со временем, как, например, изменялось понимание "выживания" в докладах Римскому клубу. Если в начале "выживание" предполагало буквально "физически уцелеть", то в последних докладах в понятие "выживание" вкладываются требования гармоничного отношения к природе, взвешенного развития, ответственности перед будущими поколениями и т.п. Тем более, формулировка того, что для нас является кризисом должна быть четкой.

Важным для определения понятий "угроза", "кризис" является также представление о достоинстве. Дело не в том, что нам дала или в чем обделила нас судьба, а в том, как мы это переживаем. В какой мере мы распознаем в действительности сущность и "существование", т.е. не сетуем ли мы понапрасну на удары судьбы в то время как их следовало бы принять, и не примиряемся ли мы с "существованием", тогда как его можно было бы изменить? Итак, возникает первая необходимость: уточнение типологии кризисов.

Первый тип кризисов был сформулирован в первых докладах Римскому Клубу, носивших "алармистский" характер. Суть их сводилась к тому, чтобы выявить катастрофические последствия существующих тенденций мирового развития, ориентированных на количественный рост, не считающихся с реальными возможностями жизнеобеспечения на планете. Однако шок, произведенный в общественном мнении Римским клубом, вскоре сменился скептицизмом. Концепция ограниченности Земли, конечности ее размеров, продолжает пока оставаться достаточно абстрактной идеей. Однако было бы неправильно отказываться в принципе от рассмотрения этого типа кризисности. Нынешняя формулировка первого типа кризиса более аккуратна: она выражается в терминах "экономических границ", "приближения к границам физического истощения", "ограниченности некоторых видов ресурсов", "истощения по регионам" и, наконец, (с некоторой условностью) к этому типу кризиса может быть отнесена ситуация прерыва поступления ресурсов в какой-либо регион по экономическим или политическим

причинам. (Примером последнего может служить регион стран Восточной Европы, куда в последние годы сократились поставки энергетических ресурсов из бывшего Советского Союза).

Почему этот тип кризиса должен оставаться в поле зрения? Потому что не снята проблема необходимости глобальной индустриализации, экономического роста с целью удовлетворения жизненных потребностей огромных - и растущих - масс народонаселения. Сегодня еще нет таких решений, которые позволили бы осуществлять экономический рост без роста ресурсо- и в частности, энергопотребления. И именно осознание опасности ограниченности и подталкивает к поиску таких решений. По-видимому, в этом и проявляется антиэнтропийность человеческого общества: оно способно противопоставить опасности ограничения ресурсов научно-технические открытия. Однако было бы упрощением сводить все дело лишь к сфере науки и поддаваться соблазну вообще отвернуться от предупреждений "алармистов", будто бы общество в ходе своего развития успешно решает все свои проблемы. Действительные движущие силы развития общества скрыты в социально-экономических механизмах, и все дело в том, насколько "здоровыми" они являются. Так мы подошли к ключевому вопросу, к которому еще неоднократно будем возвращаться ниже.

Второй тип кризиса - опасность сохранения нынешних тенденций в использовании ресурсов, заключающаяся в том, что при этом осуществляется непомерная нагрузка на сферу экологии.

Этот тип кризиса противоположен первому по происхождению. Опасность не в том, что ресурсов мало и они могут исчерпаться, а как раз в противоположном: чем больше ресурсов, тем острее опасность. Однако имплицитно идея ограниченности присутствует и здесь, только она относится к ограниченности экосферы. Речь идет о выбросах CO₂ при сжигании органического топлива, ведущих к опасности "парникового эффекта", об уничтожении тропических лесов, о нагрузке на окружающую среду всей связанной с ресурсами и энергетикой инфраструктурой и т.д.

Причины кризисной ситуации второго типа, так же как и в первом случае: рост народонаселения и необходимость экономического роста ведут к экстенсивному использованию ресурсов неэффективными способами. Местные культурные обычаи, не успевающие учесть современные требования, несовершенство экономических механизмов, построенных давно, без учета экологических факторов (а совместимы ли вообще экономический и экологический языки?) - составляют содержание того, что называется бездумным и безответственным отношением к природе.

Однако более глубокий и менее разработанный пласт проблемы лежит в изучении того, обладает ли человечество некими механизмами самосохранения? Как показывает история, прецеденты выживания, расцвета или, говоря другим языком, гармоничного отношения человеческих сообществ с природой соседствует со случаями саморазрушения этносов (появление химерных этносов

- по Л.Гумилеву, - в противоположность "здоровым" этносам). Но одно дело человечество как фактически сумма изолированных этносов в давней истории, другое дело - глобальное сообщество в условиях взаимопроницаемости и взаимозависимости. (Кстати, многие ученые от Зомбарда до Гумилева полагали причиной появления "нездоровых" сообществ вмешательство мигрантов, чуждых элементов).

Третий тип кризиса- общество платит слишком большую цену за возможность обладания энергией и подвергается риску. Цена складывается из удельного веса капиталовложений и занятости трудовых ресурсов в сфере энергетики, из оценки нагрузки на национальную инфраструктуру (прежде всего, транспорт), из прямых затрат на восстановление экологии, на компенсацию ухудшающихся условий добычи природных ресурсов. Сюда следует добавить цену, которую заплатят будущие поколения, а также социальную цену по обеспечению престижности труда в этих отраслях.

Риск определяется прямым риском (от аварий типа Черно-быльской), подверженностью природным катастрофам энергетической инфраструктуры (энергетических производств, транспорта, систем захоронения и т.п.), уязвимостью перед опасностью катастроф социальной природы (войны, политические акции, терроризм, забастовки, уклонение, недостаточная квалификация и т.п.). Смысл кризисности третьего типа состоит в том, что место энергетического и сырьевого комплекса в экономике велико, а вклад его мал. В то время как животный мир "занят" только энергетическим обеспечением своего существования, меру выделения человечества из животного мира (его возвышения) можно было бы оценивать количеством совокупного времени, "свободного" от добывания энергии и ресурсов.

В то время как первые два типа кризисов порождаются как бы внешними для общества причинами, третий, так же как и следующий - четвертый - типы кризисов свойственны самому обществу. Таким образом, мы вновь обращаемся к представлению о "здоровом" общественном организме, который применительно к данному случаю может быть

интерпретирован в терминах "ложных" потребностей (точнее - способности их преодоления).

Принципиальное значение имеет выделения в отдельный - чет-вертый - тип кризиса степень равномерности несения тягот пер-вых трех типов кризисов. Проблема справедливости может быть рассмотрена как по географическому признаку, так и по признаку социального расслоения. Неравномерность размещения природных и энергетических ресурсов по регионам мира была первой причиной международной нестабильности. И сегодня наличие стран, богатых ресурсами, и стран, бедных ресурсами, влечет за собой проблемы установления справедливого мирового экономического порядка, регулирования торговли ресурсами, эволюции понятия "суверени-тета" и т.д. Особое внимание привлекают процессы внутри опре-деленных экономических блоков, "переблокировки", формирования новых устойчивых блоков и т.п. Скажем, судьба бывшего блока СССР и социалистических стран Восточной Европы с точки зрения энергетического обеспечения представляет собой одну из "боле-вых точек" в мировой экономической ситуации. Несколько по-ино-му происходит географическое деление на регионы, прямо испыты-вающие неблагополучие в состоянии окружающей среды, и на те регионы, которые выглядят в этом смысле благополучно. По-види-мому, здесь имеется прямая связь с уровнем экономического раз-вития страны или региона, однако по мере превращения ресурсо-добывающих и перерабатывающих отраслей в наукоемкие определенные сдвиги здесь будут иметь место. Внутри отдельного государства также легко обнаружить границы, по одну сторону от которых - относительно процветающие слои населения, сумевшие отгородиться от экологических неприятностей, переложивших цену и риск на других, а по другую сторону - страдающие. Социальное расслоение имеет место прежде всего по отношению ко второму и третьему типу кризисов, хотя и неравномерность размещения ре-сурсов в рамках одной страны также приводит к ряду социальных проблем.

Происхождение этого типа кризиса и механизмы его преодо-ления представляют собой фундаментальную социальную проблему. Как относиться к неравенству: как к естественной данности или как к результату несправедливой эксплуатации? (Это "сущность" или несправедливое и "нечеловеческое" "существование" челове-ческого сообщества?) Контрасты неравенства сглаживаются с хо-дом истории или обостряются? Заложены ли в экономику механизмы преодоления контрастов или это выходит за рамки экономики и требует политических решений? (В чем заключаются те и другие?) Отдельного внимания заслуживает структурный вопрос: за счет каких социальных прослоек осуществляется выход из кризисов? Кто платит и кто выигрывает при этом? Все это "вечные" вопро-сы, над которыми столетиями бьется социальная мысль. Однако справедливость требует отметить, что ресурсное, а тем более энергетическое, обеспечение жизни человечества нашло недоста-точное отражение в известных социальных теориях. Время этому наступает сейчас, в эпоху глобализации.

Специфически современным звучит вопрос об ответственности перед будущими поколениями. Действительно, здесь кроется опасность такого рода непреодолимой несправедливости, когда истцу (новому поколению) окажется некому предъявить счет. Обратившись к вопросу о "здоровом" общественном организме, можно говорить, следовательно, о созревшей необходимости выявления (определения, квалификации) таких отклонений от "здоровья", которые особо опасны именно для будущих поколений. В политической сфере такой прецедент создан: международным сообществом осужден фашизм, приведший к международной катастрофе. Определены ли подобные преступления в экономической сфере?

Итак, осуществление той или иной экономической или научно-технической политики социально обусловлено, причем эта обусловленность не ограничивается только экономической сферой. Какими бы настоятельно необходимыми ни выглядели бы мероприятия той или иной программы, важно иметь в виду те ограничения, с которыми придется столкнуться при ее осуществлении в сфере политики, культуры, науки, идеологии. Конкретно сформулированную, желательную с точки зрения тех или иных приоритетов, программу необходимо рассматривать в широком контексте трех "этажей" общественного сознания: мировоззренческого (эсхатологического), научно-теоретического и конкретно-прикладного. Техно-экономическое обоснование необходимости выбранной программы, обеспечиваемое на научно-теоретическом уровне, может оказаться совершенно недостаточным для успешного осуществления данной программы на практически-прикладном уровне, если не осуществлена необходимая корреляция с мировоззренческим уровнем, на котором порождается нормативный взгляд на общество, вырабатывается система ценностей, восприятия и оценки кризисных ситуаций, представлений о допустимости тех или иных типов общественного поведения. Это тем более необходимо, что система ценностей, норм, оценок и критериев может изменяться (а на практике так именно и бывает) в самом ходе осуществления программы.

Насколько удовлетворительно удастся научному сообществу выполнить такую прагматическую задачу как предупреждение кризисов? В какой степени общество "вмешивается" в ее решение? Рассмотрим три фазы выполнения такой задачи: увидеть угрозу, распознать ее характер и, наконец, дать рекомендации. О первой фазе мы только что говорили: она "перенасыщена" ценностными, поведенческими (можно сказать- феноменологическими, экзистенциальными) аспектами, и голос науки здесь должен быть скромным.

Вторая фаза - распознавание природы угрозы- есть собственно научная задача и к ней

не может быть претензий со стороны общества. Мало того, если такие претензии возникают и наука начинает испытывать некое, например, политическое или миро-воззренческое давление, наука перестает быть наукой и ее результаты перестают быть адекватными действительности. Если и следует говорить о какой-либо специальной задаче относительно второй фазы, так это о соблюдении правила невмешательства в научную деятельность (к сожалению, история науки дает много примеров вмешательства).

Обращаясь к сфере соотношения общества и природы, можно указать на ряд завоеваний науки в последние десятилетия. Первое, что удалось здесь, это выявление и учет множества факторов, свойственных такой сложной системе как общество и природа, вплоть до моделирования этой системы. Второе - доказана глобальность процессов взаимодействия между обществом и природой. И наконец, сформулирована опасность кризисного протекания процессов в глобальной системе, отражающая ту степень нелинейности, которую приобрели процессы общественно-природного взаимодействия.

Как только что было отмечено, наука обнаружила и исследовала значительное число важнейших процессов, определяющих характер и судьбу взаимоотношений общества и природы. Чем же объясняется тот факт, что многочисленные рекомендации на этот счет остаются нереализованными, а положение дел во многих сферах только ухудшается?

Таким образом, мы обращаемся к третьей фазе - даче рекомендаций. Где спрятаны потенциальные причины неуспеха? Прежде всего надо указать на широко до сих пор распространенную привычку рассматривать деятельность в терминах последствий, например, "развитие энергетики и ее социальные последствия". В рамках этой "традиции" общество рассматривается как пассивный объект, а "человеческий фактор" как помеха. Возникает искушение адресовать рекомендации отдельно "деятельности", например, разработать некую "программу мер", и отдельно обществу - как эту программу мер осуществлять. Более того, возникает иллюзия, будто существует некое "оптимальное решение" до его реализации, и его остается вычислить и затем только реализовать. Ввиду того, что в действительности рекомендации должны одновременно принадлежать и миру "знаний", и миру "реализации", мера истинности таких рекомендаций скорее определяется обществом, чем наукой, готовностью общества "платить" за ошибки в получаемых рекомендациях. Другая сложность, с которой сталкивается наука и которая может служить источником неуспеха научных рекомендаций, является претензия науки исповедовать нормативный подход, предполагающий представление об идеальном (или желаемом) состоянии общества, что в свою очередь побуждает искать механизмы достижения в обществе согласия по поводу ценностей такого общества.

Альтернативный подход к управлению.

Научному подходу исследования объективного мира, в особенности в области социологии организации, противостоит появившийся в 60-х годах подход "action learning" или "action research", который можно трактовать как деятельностный подход. Дело в том, что наука (в том числе наука управления) имеет дело с прошлым и настоящим. Будущее, получаемое как результат научного исследования, является искусственно сконструированным. Искушение конструировать будущее возникает у науки потому, что ей доступны для исследования не только свойства и состояния, но и динамические процессы. Однако науке недоступно представление о будущем "живых" систем, способных порождать то, чего не было в прошлом. К таким системам относится общество; вот почему продуктивным видится выдвижение в качестве альтернативы научному управлению деятельностного подхода к управлению.

Следует отметить, что нет какого-либо антагонизма между этими двумя подходами, т.е. деятельностный подход не отрицает научный, а предполагает их сочетание. Так, в поведении как человека, так и общества мы сталкиваемся не только с процессами творчества, но и с механическими процессами, рутинными операциями и т.п. В той мере, в какой и человек, и социальная система представляют собой

"механизм",

управление может трактоваться традиционно, а именно "научно".

С другой

стороны,

нельзя

и преувеличивать способность общества быть "живым".

Представляет интерес типология социальных систем по основанию:

"живое-искусственное". В соответствии с этим общества могут быть "живыми" (а внутри здоровыми или больными) или искусственными, т.е. сконструированными по определенной схеме для определенной цели (а внутри хорошо или плохо функционирующими). При этом не следует путать больное живое общество и плохо функционирующее искусственное. В качестве примера можно указать на неправильность отождествления тоталитаризма в Германии (фашизм) и в СССР (сталинизм). Они имеют разную природу, и их преодоление должно идти разными путями.

Книга А.Кинга и Б.Шнайдера "Первая глобальная революция" дает основания говорить о достаточно четкой ориентации Римско-го клуба на новую парадигму управления. Как известно, Римский клуб с самого начала своей деятельности сосредоточил свое внимание на разработке глобальных проблем в их взаимосвязи- то, что называлось им термином "проблематика" (problematique). Примечательным новым шагом последней работы является выдвижение в центр внимания нового блока- "решения" (или "пути решения") (resolutique). Этим самым заявлено о желании Римского клуба уйти от алармизма в направлении действенности и реализуемости своих рекомендаций. Отдельная глава книги прямо называется "Управление и способность управлять".

В чем, коротко говоря, состоит новизна подхода к управлению, представленного в докладе Римского клуба? Во-первых, управление решает совершенно иную, по сравнению с научным подходом, задачу: вместо решения проблем (вот почему неудачен русский перевод раздела упомянутого доклада Римского клуба, поскольку на самом деле там идет речь скорее о "решимости"), т.е. преодоления неопределенности имеется в виду сделать неопределенность своим союзником. На конференции в Ганновере, 1989 г., М.Месарович выразил это так: "Вопрос состоит не в том, как контролировать мировую систему или управлять ею, а как сделать систему легко адаптируемой, открытой к изменениям и эластичной". Каким образом неопределенность может стать союзником в управлении? Речь идет о ставке на раскрытие творческого потенциала элементов системы- организаций, групп, отдельных людей. Источник преодоления кризисов, развития- внутри системы.

Во-вторых, нас принципиально интересует не формирование единственного субъекта, характеризующегося единством знания, понимания и воли (к сожалению, именно так иногда интерпретируется идея солидарности), а поведение совокупности субъектов. При этом, альтернативный подход к управлению предполагает активное формирование субъектов, автономизацию элементов, и вслед за этим - включение всех в процесс развития.

И в-третьих, процесс управления приобретает протяженный, циклический характер, когда циклы "расчетов" сменяются циклами демократических процедур. Парадигма "динамической системы" уступает место парадигме целепоисковой многосубъектной системы с возвратными циклами.

Итак, чтобы в полной мере схватить качественную особенность живого развивающегося феномена- общества, следует преодолеть дихотомию разделения субъекта и объекта, присущую технически понимаемому управлению. Социальная система, в которой

происходит процесс управления (самоуправления), разделяется не пространственно (структурно) на субъект и объект (кто-то кем-то управляет), а на временные, процессные этапы анализа и синтеза, постановки вопросов и их решения, сбора информации и обработки ее, продуктивности и репродуктивности, креативности и реактивности и т.п. Важнейшим из них, практически не уловимый научным подходом, является этап формирования представлений, установок, новых понятий, смыслообразования - и все это не вне, а внутри процесса управления (смена правил игры во время самой игры).

Условно такой подход можно интерпретировать как сочетание неформализуемых и формализуемых этапов; таким образом научный подход не исключается из целостного процесса управления, а органически включается в него, но в свое время и в своем месте. Опираясь на такой подход, можно предложить в общих чертах следующую схему социальной технологии.

Социальная система - это множество активных элементов-подсистем. Для каждого элемента "внешняя среда" - это некое состояние социальной системы в целом (т.е. она не есть нечто внешнее, это продукт активности данного элемента и таких же

других в их взаимодействии. "Внешняя среда" формируется самим рассматриваемым элементом, по крайней мере, с его участием. Под активностью понимается любое поведение элемента, в том числе и "неактивность", уклонение, воздержание и т.п. Таким образом, неучастие в формировании "внешней среды" не избавляет от ответственности за ее состояние.

Активность элементов социальной системы двухвекторная: природно-эволюционная и рационально-преобразовательная. В отличие от животного мира "преднамеренный", планируемый акт социального элемента может привести к нарушению хода эволюции, может стать необратимым не только для этого элемента, а для общества в целом.

Далее, активность социальных элементов "многоэтажная":

практически-операциональная, теоретически-абстрактная и мифо-логически-духовная. Отсюда вытекают два важных следствия. Во-первых, активность социальных элементов (которая всегда направлена на других, т.е. является взаимоактивностью) может менять свою знаковую характеристику. Взаимоотношения социальных элементов не закреплены как роли в природном мире (например, хищник-жертва и т.п.), а могут изменяться. Во-вторых, социальный элемент живет в объективном мире, но воспринимает его субъективно, в том числе это означает, что его "мир" населен плодами его воображения, с которыми он взаимодействует. Есть основания считать, что восприятие мира адекватно в той мере, в какой является "здоровым" социальный организм. Например, в язычестве человек подчиняется духам, пытается их задобрить; затем в христианстве он изгоняет, побеждает духов; в новое же время он начинает подумывать о том, а не правильнее было бы иметь дело с одухотворенным миром и жить с ним в сотрудничестве.

Цикл управления в его деятельностной, альтернативной трактовке состоит из трех этапов:

а) оценка состояния как желательного или нежелательного, безопасного или опасного, благополучного или кризисного (здесь - различные типы кризисов, структура желаемого, проблематика потребностей, нормативности, будущего. Важно отметить

противоречивость различных установок и предпочтений. Ситуация выбора);

б) исследование мира на предмет допустимости определенных мер, средств, шагов. Расчет вариантов. Естественно-научный этап; построение модели "если А, то В" и т.п. Именно на этом этапе выявляются все механические, точнее говоря, естественно-природные аспекты человека, социальной системы и рассчитываются их возможности;

в) принятие мер, осуществление активности.

Этап осуществления активности сам по себе внутренне богат различными возможностями и вариантами: активность может быть эволюционной (созерцательной) или революционной (политической); она может быть репродуктивной (функциональной)

или продуктивной (эвристической); она может снижать неопределенность (быть оптимизационной) или обеспечивать большую свободу выбора, вести к расширению сферы неопределенности. При этом могут быть выделены четыре различные тактики поведения-консервативная, адаптивная, агрессивная и инновативная. В более широком плане здесь необходим учет культурных особенностей, а отсюда и возникновение "кросс-культурной" проблематики.

И, наконец, ключевой элемент социальной технологии - организация поведения системы в целом. Здесь выделяются следующие подэтапы:

- а) выявление общности намерений, интересов, взаимозависимости и выявление различий в позициях;
- б) разработка программы с учетом общности и различий. Особое внимание процедурам синкретичности, преодоления эклектики, механического соединения.
- в) формирование институтов реализации программы,
- г) фаза "let it go", т.е. свободного хода событий, затем анализа, контроля и т.п.
- д) повторение этих подэтапов неоднократно, так как данная технология не рассчитана на достижение какого-либо "оптимального" результата, тем более за один цикл, а сама представляет собой "способ жизни", т.е. жизни в пути.

Резюмируя предлагаемый взгляд на пути реализации социальных преобразований, можно сказать, что он концентрирует наше внимание на трех главных задачах: постоянно углубляющееся постижение явлений, взаимосвязей человека, природы и общества; постоянная забота о "здоровье" социального организма, совершенствование институтов политической демократии, экономических свобод, гармонического взаимодействия различных культур, формирование новой культуры на основе признания равноправности многообразия, расширения пространства дискуссионного взаимо-

действия, совершенствования механизмов выработки общих представлений, признания ценности "жизни в пути".

1. А.Кинг, Б.Шнайдер. Первая глобальная революция. Доклад Римского клуба. М:Прогресс, 1991.

2. А.Печчеи. Человеческие качества. М:Прогресс, 1980.

3. В.М.Лейбин. Глобальная проблематика: научные исследования и дискуссии. Препринт. М:ВНИИСИ, 1991.